

А. З. Манфред

**Великая французская
революция**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. З. Манфред**
Великая французская революция / А. З. Манфред – М.: Книга по Требованию,
2013. – 432 с.

ISBN 978-5-458-39498-7

ISBN 978-5-458-39498-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

В бумагах А. З. Манфреда после его кончины был найден план двух «возможных сборников статей». Первый из них — «Историки советского времени», второй — под примерным названием «Этюды по истории Великой французской революции, или Страницы истории Великой французской революции». Содержание.

«1. Великая французская буржуазная революция XVIII века» (по 2-му изд. 1956 г.).

2. О природе якобинской власти (журнал «Вопросы истории»).

3. Ж.-П. Марат (предисловие к 3-томнику).

4. Максимилиан Робеспьер (вступительная статья к 3-томнику «Избранных произведений»).

5. Споры о Робеспьере (журнал «Вопросы истории»).

6. Робеспьер в русской и советской историографии.

Возможно, Сен-Жюст, Дантон, эбертисты».

Думаю, что план относится к 1975—1976 гг. Во всяком случае, именно в то время Альберт Захарович ознакомил меня с ним.

Настоящий том публикуется соответственно этому плану. Данной публикацией Институт всеобщей истории Академии наук СССР воздает долг памяти замечательному ученому с мировым именем, выдающемуся знатоку истории Великой французской революции, одному из трех почетных председателей Комиссии по истории революции при Международном историческом комитете. К плану, намеченному самим историком, добавлены лишь две статьи, появившиеся посмертно: «О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции»¹ и «Некоторые тенденции зарубежной историографии»².

Альберт Захарович был страстным приверженцем Великой французской революции, чрезвычайно высоко оценивал ее историческое значение. Еще в юношеские годы, обучаясь в вечерней школе в Саратове в 1921—1922 гг., он в школьной тетрадке написал краткий очерк истории революции. Тетрадку он хранил всю жизнь — она обнаружена в его архиве. Кроме этой тетрадки, других школьных работ в архиве не сохранилось. Это лучшее свидетельство того интереса, который именно эта тема возбудила в нем с самого начала его сознательной жизни.

Живой интерес к Великой французской революции Альберт Захарович сохранил до конца своих дней. Об этом писал крупнейший французский историк Фернан Бродель, близко и хорошо

¹ Французский ежегодник, 1976. М., 1978.

² Коммунист, 1977, № 10.

знавший Альберта Захаровича: «Во времена моей молодости, в 1920 гг., в эпоху Альфонса Олара и Альбера Матьеа, Французская революция оставалась для нас животрепещущей борьбой, нашей борьбой. Но сейчас ни один студент-историк в начале своей деятельности не считает своим долгом уделить особое внимание Французской революции. Нас поражает (хотя это легко объяснить) напряженный интерес советских историков к *нашей революции*, которая являлась провозвестником и в известной мере глубоким объяснением их собственной революции. Я был этим потрясен в 1958 г. в Ленинграде, когда отмечалось 200-летие рождения Робеспьера. Мне кажется,—хотя он был крайне сдержан, чтобы об этом говорить,—что Альберт Манфред был крайне огорчен недостатком внимания к нашей Великой революции. И мне кажется, он от этого страдал. Но, любя, неизбежно страдаешь»³.

Первую работу о революции Альберт Захарович издал удивительно поздно — в 1950 г.⁴ Он переиздал ее в 1956 г., точнее, коренным образом переработал, значительно дополнил и обновил весь текст⁵. Эта работа, которой открывается наш том, имела большой успех и в СССР, и за рубежом. Книга была переведена на немецкий, китайский, венгерский, французский, испанский и португальский языки.

Наиболее вескую оценку научных достоинств книги дал В. П. Волгин, В 1958 г. при подготовке первого тома «Французского ежегодника» Вячеслав Петрович вычеркнул из статьи О. Л. Вайнштейна «Изучение истории Франции средних веков и нового времени» все, что в ней касалось многочисленных обзоров истории революции, вышедших в СССР, и сам вписал характеристику книги Альберта Захаровича, отметив: «Наиболее ценной и в научном отношении содержательной является работа А. З. Манфреда, основанная не только на тщательном изучении литературы о французской революции, но и на продуманном использовании источников»⁶.

Какое впечатление произвела эта книга на читателя, можно судить по воспоминаниям профессора В. П. Смирнова о его студенческих годах: «Однажды мои соседи по общежитию читали книгу по истории. Такое случалось не слишком часто, но мне объяснили, что книга интересная. Это была работа А. З. Манфреда о французской революции. Я стал ее просматривать и остановился на описании Мирабо. Неожиданно Мирабо, имя которого раньше было для меня пустым звуком, предстал передо мной как

³ Французский ежегодник, 1976, с. 26.

⁴ Манфред А. З. Французская буржуазная революция конца XVIII в., 1789—1794. М., 1950.

⁵ Манфред А. З. Великая французская буржуазная революция XVIII века. М., 1956 г.

⁶ См.: Французский ежегодник, 1958. М., 1959, с. 499.

живой человек: „массивный, тяжеловесный, с огромной головой на короткой, могучей шее, с лицом почти уродливым, обезображенным оспой“. Я чуть ли не видел, как, взойдя на трибуну, „всегда самоуверенный, высокомерный, он начинал свою речь медленно и тихо. Но поддержанный сочувственным вниманием, Мирабо преобразался: импровизированная речь становилась стремительной и вдохновенной, актерский такт подсказывал широкий и верный жест, голос креп и приобретал необычайную силу; рев его могучей октавы, прорываясь сквозь окна, собирал на площади толпу“. Этот портрет, созданный пером Альберта Захаровича и ярко выделяющийся на фоне унылой учебной литературы, врезался мне в память»⁷.

О крупнейшем значении этой работы для стран, только что получивших независимость в послевоенных условиях и впервые по книге А. З. Манфреда знакомившихся с одним из крупнейших революционных переворотов в истории, неоднократно писал выдающийся знаток истории французской революции Вальтер Марков (ГДР).

Я читал впервые книгу А. З. Манфреда почти четверть века назад и, перечитывая ее сейчас, был поражен живостью и образностью изложения, необычайной одушевленностью, с какой она написана. Она напоминает лучшие страницы Мишле, пропитанные вдохновением и подлинным волнением. И с этой стороны нельзя не порадоваться тому, что книга будет прочитана новым поколением советских читателей, которые, благодаря таланту Альберта Захаровича, вновь переживут дни 14 июля, 10 августа, энтузиазм добровольцев, одержавших первую победу революционной армии под Вальми.

В 20–30 годах XX в. во французской историографии Великой революции все более доминирующее положение начала занимать школа, идущая по пути, намеченному Ж. Жоресом в «Социалистической истории» французской революции. Такие блестящие историки французской революции, как Альбер Матьез и Жорж Лефевр, своими трудами внесли чрезвычайно много нового в понимание истории революции как крупнейшего социального переворота, в освещение классовых конфликтов, составлявших главное содержание революции, в выявление ее движущих сил, роли народных масс в революции. Особенно ценны были труды Жоржа Лефевра в освещении роли крестьянства. Оба историка высоко ценили якобинский этап революции, сыгравший решающую роль в подавлении внутренних и внешних врагов.

Их ученики и продолжатели внесли, в свою очередь, большой вклад в изучение вначале крестьянства, а затем городских низов в период революции, так называемых санкюлотов (в русской литературе вслед за Марксом и Энгельсом более употребительным

⁷ Французский ежегодник, 1976, с. 15.

является термин «плебейские» элементы). Этой теме была посвящена прекрасная монография А. Собуля о санкюлотах II года (1958)⁸. Исследование Д. Рюде «Народ во французской революции»⁹, Р. Кобба «Революционные армии, как инструмент террора»¹⁰ и т. д.

К этому времени А. З. Манфред успел побывать несколько раз во Франции, принял участие в ряде коллоквиумов, в международных форумах, установил дружественные связи с виднейшими французскими историками Фернаном Бродемом, Эрнестом Лабруссом, Альбером Собулем, Жаком Годшо и др. Его репутация как виднейшего знатока истории революций укрепилась достаточно прочно. Его статьи по истории революции в различных энциклопедических изданиях, в журналах вызвали общий интерес.

Не довольствуясь общим повествованием о ходе революции, А. З. Манфред счел необходимым выступить по некоторым концептуальным вопросам. Он сделал доклад в Сорбонне, опубликовал его в теоретическом органе французской компартии «Папсе» и в «Вопросах истории»¹¹. Этой статье он придавал настолько большое значение, что в плане своего сборника, нарушая хронологическую последовательность, поставил ее на второе место.

В этой работе А. З. Манфред остановился, прежде всего, на классовой природе якобинской власти. Он расходился с рядом исследователей, определявших ее как мелкобуржуазную. Отмечая неясность самого этого термина для XVIII в., Альберт Захарович считал его совершенно недостаточным. Он ссылаясь при этом, в частности, на записи Робеспьера: «Внутренняя опасность исходит прежде всего от буржуазии... Чтобы победить буржуазию, нужно объединить народ». В лице якобинцев А. З. Манфред и видел своеобразный широкий, гетерогенный блок, состоявший из демократической (мелкой и средней) буржуазии, крестьянства и плебейских (санкюлотских) элементов города. Этот блок был крепким и устойчивым летом и осенью 1793—1794 гг., он ослабел к весне 1794 г., когда база его несколько сузилась, но он продолжал существовать и когда якобинцы все еще продолжали, по ленинскому определению, оставаться «якобинцами с народом»¹²; только к моменту 9 термидора этот блок распался. Но

⁸ *Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'an II. Mouvement populaire et gouvernement révolutionnaire. 2 juin 1793—9 thermidor An II. P., 1958.* Рус. пер. под ред. А. З. Манфреда. М., 1966.

⁹ *Rudé G. The Crowd in the French Revolution. P., 1959.*

¹⁰ *Cobb R. Les armées révolutionnaires. Instrument de la Terreur. Avril 1793—floréal. P., 1960—1963. T. 1—2.*

¹¹ *Манфред А. З. О природе якобинской власти.— Вopr. истории, 1969, № 5.*

¹² *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 216; См. по этому вопросу: Лукин Н. Ленин и проблема якобинской диктатуры.— В кн.: Лукин Н. М. Избр. труды. М., 1960. Т. 1.*

до того времени этот блок защищал и представлял интересы не только мелкой буржуазии, но и крестьянства и более широких элементов французского народа.

Альберт Захарович настаивал и на более точном анализе сущности якобинской власти. Он не согласен был с ее определением как «диктатуры комитетов общественного спасения и общественной безопасности». Он подчеркивал, что эта диктатура «сверху» сочеталась с широчайшей демократией «снизу», огромной сетью низовых комитетов, комитетов бдительности, народных обществ и т. д. Якобинскую диктатуру А. З. рассматривал как первое воплощение в какой-то мере идеи демократической диктатуры, которую Ленин выдвигал в 1905 г.; хотя тогда уже, естественно, коренным образом изменилось соотношение классов. Соединение широчайшей демократии снизу с сильной центральной властью — вот в чем он видел особенность якобинской диктатуры, отрицая противопоставление демократии диктатуре.

С этой точки зрения А. З. Манфред подходил и к установлению причин 9 термидора. Некоторые очень близкие к нам историки видели причины 9 термидора в конфликте между революционным правительством и движением санкюлотов, в конфликте, который все время обострялся и, наконец, привел к катастрофе. Это объяснение Альберт Захарович категорически отвергал. Решающий конфликт происходил между совершенно другими классовыми силами.

Якобинское правительство, хотя оно и пыталось делать некоторые уступки вправо, но в целом продолжало вести прежний курс социально-экономической политики, сохраняя твердые цены на предметы продовольствия, мешая всячески своими реквизициями, ограничительными мероприятиями капиталистическому накоплению. Свидетельством этой антикапиталистической политики явилось и вантозское законодательство. Все это вызывало нарастающее недовольство буржуазных элементов, поддержанных мелкобуржуазной собственнической стихией. Именно этим давлением объяснял В. И. Ленин термидор и причины падения якобинской диктатуры. Именно по пути этого ленинского объяснения и шел А. З. Манфред.

Новейшее, очень обстоятельное исследование поведения парижских секций, проведенное Е. В. Киселевой¹³, еще раз подтвердило выводы А. З. Манфреда. Вплоть до вечера 9 термидора соотношение сил между Конвентом и Коммуной было скорее в пользу Коммуны — натиска секций, враждебных ей, не было; можно говорить лишь о растерянности и неясности, господствовавших в секциях.

¹³ См.: Киселева Е. В. Парижская Коммуна и секции 9 термидора. — В кн.: Французский ежегодник, 1981. М., 1983.

Статья А. З. Манфреда о классовой природе якобинизма до сих пор в основных чертах сохраняет актуальность, и ее выводы полезны любому исследователю этой проблемы.

✱

«С давних пор, с юношеских лет (вспомним тетрадку 1922 г.— В. Д.), и на протяжении всей своей жизни,— писал Альберт Захарович в предисловии к последней, посмертно изданной книге «Три портрета эпохи Великой французской революции»,— я всегда проявлял большой и, можно сказать, возраставший с годами интерес к проблемам Великой французской революции 1789—1794 г. Мне довелось в разное время написать по этим проблемам разного рода сочинения: и специальные работы, и работы более общего, концептуального характера, и книги, посвященные отдельным страницам истории той эпохи»¹⁴. При этом Альберт Захарович подчеркнул, что в последнее время у него «появилась склонность... раскрывать внутреннее содержание больших общественных процессов, к которым относятся и революции, через изображение отдельных их деятелей»¹⁵.

Это стремление раскрывать содержание больших процессов «через изображение отдельных личностей» с наибольшей силой сказалось в последние годы жизни Альберта Захаровича, в его «Наполеоне» и в «Трех портретах...», но оно обнаруживалось и гораздо раньше. К двум деятелям французской революции ученый проявлял особый интерес — к Жану-Полю Марату и к Максимилиану Робеспьеру.

В 1956 г. совместно с В. П. Волгиным он издал 3-томник «Избранных произведений» Марата. Это издание отличалось полнотой: оно было гораздо более полным, чем лучшее французское издание, осуществленное Ш. Веллэ, и чем советское, опубликованное в 1933 г. Г. С. Фридляндом. Этому изданию Альберт Захарович предпослал обширное введение, которое он и счел нужным включить в сборник своих работ о революции. В 1962 г. в серии «Жизнь замечательных людей» Альберт Захарович опубликовал работу о Марате. Но, по-видимому, она его не вполне удовлетворила — в «Трех портретах...» он указал, что сейчас он эту книгу написал бы несколько иначе, во всяком случае в план «проблем революции» он ее не включил.

Совершенно особое место в творчестве А. З. Манфреда занимал Максимилиан Робеспьер. Большая его заслуга состояла прежде всего в том, что впервые в России он издал трехтомник избранных произведений Робеспьера¹⁶, в который вошли основ-

¹⁴ Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978, с. 19.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Робеспьер М. Избр. произведения / Сост. и автор вступ. статьи А. З. Манфред. М., 1965. Т. 1—3.

ные сочинения и речи. Личность и деятельность «Неподкупного» привлекали постоянно его внимание вплоть до конца его жизни.

До Альберта Захаровича в советской исторической литературе существовал только один биографический очерк о Робеспьере, принадлежащий перу Н. М. Лукина. Альберт Захарович выпустил краткий биографический очерк к 200-летию «Неподкупного» (1958 г.) и выступил с интереснейшим докладом. Вспоминаю, как по окончании доклада к нему подошел Б. Ф. Поршнев и поздравил его с «блистательным выступлением». Более пространно он вернулся к биографии Робеспьера в 1965 г., во вводной статье к «Избранным произведениям». На XII международном историческом конгрессе в Вене, в том же 1965 г., Альберт Захарович выступил на коллоквиуме о Робеспьере, собранном Робеспьеристским обществом, с докладом «Робеспьер в русской и советской историографии». Большое впечатление произвела на него драма Ромена Роллана «Робеспьер». И в «Трех портретах...» он снова вернулся к Робеспьеру, по-новому попытавшись проанализировать последние недели его жизни, между 22 прерияля и 9 термидора, трагедию его временного отхода от руководства Комитетом общественного спасения. Страницы книги, на которых Альберт Захарович описывает одинокие ночные прогулки Робеспьера по Парижу в предтермидорианские недели, особенно запоминаются. Так же, как и Жорес с его знаменитой фразой о солидарности с Робеспьером в тяжелый, удушливый день 9 термидора, Альберт Захарович, несколько не скрывая слабостей и ошибок Максимилиана, стоит рядом с ним как его защитник в тот момент, когда «председатель убийц» Колло д'Эрбуа «зажимает рот» Робеспьеру в его последней попытке «отстоять царство добродетели».

Следуя последней воле Альберта Захаровича, мы включили в том только три его работы о Робеспьере. Возможно, что сам он включил бы и этюд о Робеспьере в «Трех портретах...», но мы строго следовали его плану.

Мы полагаем, однако, что не нарушили его намерений, когда включили в книгу две работы, написанные уже после составления плана сборника и опубликованные после его кончины. Это статьи, направленные против некоторых современных французских историков, которые сами с гордостью себя называют «ревизионистами». Их взгляды Альберт Захарович подверг справедливой критике.

Тексты воспроизводятся по первоизданию. Мы разрешили себе только отдельные, незначительные купюры в тех случаях, когда известно, что мнение Альберта Захаровича по тому или иному вопросу изменилось. Так, в частности, по вопросу об эбертистах мне еще в 1958 г. в рецензии на его книгу пришлось указать, что, хотя я поддерживаю его взгляд на эбертистов как на ультралевую группу, я считаю обвинение их в связи с иностран-

ными агентами недоказанным, да и сами обвинения отдельных иностранцев, в свою очередь, необоснованными. Альберт Захарович тогда же с этим замечанием согласился.

Следует заметить, что, как и ряду других советских историков, нам представляется неточной оценка всего периода от 9 термидора до 18 брюмера как контрреволюционного. Великая французская революция пережила две фазы: 1789—1794 гг., когда были совершены ее великие деяния, фаза *восходящего* развития, и 1794—1799 гг.—*нисходящая* фаза, в которую революция вступила 9 термидора и которая закончилась 18 брюмера, когда установился авторитарный режим. Но мы сохранили ту интерпретацию событий, которую А. З. Манфред считал правильной.

✱

Приближается 200-летие Великой французской революции. К этой дате появится, вероятно, серия исследований о революции. Пусть же первым из них явится книга А. З. Манфреда, человека, с юношеских лет страстно увлекавшегося Французской революцией, изучавшего ее всю свою жизнь и оставившего яркий след в ее истории.

✱

В подготовке книги принимали участие Е. И. Лебедева и Г. С. Черткова, которым выражается искренняя благодарность.

В. М. Далин.

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Глава I

ФРАНЦИЯ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

Восемнадцатый век был переломным в истории нового времени. Еще почти во всей Европе, за исключением Англии и Голландии, господствовал феодальный строй, еще казалось незыблемым и несокрушимым могущество абсолютных монархий, а уже ряд верных примет предвещал их близкое падение.

То здесь, то там в разных концах европейского континента и далеко за его пределами — в Новом свете, в Америке, на протяжении всего восемнадцатого столетия, в особенности во вторую его половину, вспыхивали классовые бои большого напряжения: крестьянские восстания, плебейские мятежи, народно-освободительные войны.

Менее заметные и менее слышимые, феодальный строй подрывали изнутри и иные разрушительные силы: машины, появившиеся ранее всего в Англии, а оттуда проникшие на континент Европы и повсеместно, резко ускорявшие рост капиталистического производства; крупные централизованные мануфактуры с высокой степенью разделения труда, подготавливавшие переход к высшей машинной технике; огромные капиталы, сосредоточенные в руках немногочисленного, политически бесправного, но экономически самого сильного класса — буржуазии.

Новые идеи и взгляды, обладавшие огромной силой революционизирующего воздействия, все шире и глубже проникали в сознание масс. Средневековая схоластика, обветшалые представления о божественной природе власти, устаревшие правовые нормы, догматы церкви, мораль, нравы феодального общества — все было подвергнуто осмеянию, дискредитировано, разоблачено. Ньютон и А. Смит в Англии, Лавуазье и Руссо во Франции, Ломоносов и Радищев в России, Лессинг и Кант в Германии и многие другие, представлявшие передовую науку и общественную мысль, своими смелыми открытиями, дерзновенными взглядами будили мысль, толкали ее вперед и, разрушая старые пред-

ставления, открывали новые, необозримые горизонты. Приказами монархов и церкви крамольные книги сжигались, их авторов бросали в тюрьмы, ссылали на край земли, травили и преследовали, но, несмотря на все кары и меры запрета, гонимые идеи вырывались за решетки тюрем и, овладевая сознанием народных масс, становились уже ничем неодолимой, громадной действенной силой.

Как ни различны по своему характеру и значению были эти явления, все они разными средствами и в разных формах выражали содержание главного исторического процесса, определявшего ход общественного развития, — подготовлявшейся и совершавшейся смены одной общественно-экономической формации другой — феодализма капитализмом.

Процесс этот шел неодинаково в разных странах. В Англии буржуазная революция совершилась в XVII в.; еще ранее она произошла в маленькой Голландии. За океаном, в английских колониях, в Северной Америке, буржуазная революция, вылившаяся в форму Войны за независимость, произошла в 70—80-х годах XVIII столетия. Но в большинстве стран европейского континента, а тем более в странах Востока почва еще не была подготовлена, еще не сложились необходимые условия для буржуазной революции, призванной разрушить старые феодальные производственные отношения и заменить их новыми — буржуазными производственными отношениями.

Единственной страной на европейском континенте, где противоречия между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями достигли крайней степени, где напряженность и острота классовой борьбы с неотвратимостью вели к революции, была Франция.

На протяжении 200 лет развития абсолютистского режима во Франции власть монархии ширилась и укреплялась, достигнув ко времени царствования «Короля-солнца», как называли Людовика XIV (1643—1715), своего высшего расцвета.

Но уже последние годы царствования Людовика XIV, на рубеже XVII и XVIII столетий, абсолютистский режим начал клониться к упадку. Причины этого упадка коренились, конечно, не в том, что преемники Людовика XIV — Людовик XV (1715—1774) и Людовик XVI (1774—1792) — уступали по личным качествам своему предшественнику, как это изображают многие буржуазные и дворянские историки. Причины были в том, что феодально-абсолютистский строй изжил себя, перестал соответствовать социально-экономическому развитию страны и превратился в путы, сковывающие развитие производительных сил, препятствующие их росту.

Еще примерно в XVI в. во Франции зародился капиталистический уклад. Медленно и постепенно развиваясь в недрах феодального общества, он достиг в последней трети XVIII в. раз-